

Элизабет Вернер

Заклятое золото

Элизабет Вернер
Заклятое золото

«Public Domain»

1900

Вернер Э.

Заклятое золото / Э. Вернер — «Public Domain», 1900

«– Итак, это – твоя родина, и ты действительно провел целых десять лет жизни в этом забытом Богом захолустье? Я даже и представить себе не мог, что дело обстоит так скверно!– Богом забытое захолустье! Если бы это слышали наши гейльсбергцы, которые так гордятся своим городом и его «историческим прошлым», то осудили бы тебя на изгнание!..»

Содержание

1	5
2	11
3	14
4	19
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эльза Вернер

Заклятое золото

1

– Итак, это – твоя родина, и ты действительно провел целых десять лет жизни в этом забытом Богом захолустье? Я даже и представить себе не мог, что дело обстоит так скверно!

– Богом забытое захолустье! Если бы это слышали наши гейльсбергцы, которые так гордятся своим городом и его «историческим прошлым», то осудили бы тебя на изгнание!

Двое мужчин, между которыми происходил этот разговор, сидели в маленьком садике, вокруг которого теснились высокие дома с островерхими крышами. Один из говоривших был высокий, стройный мужчина с темными волосами и бородой и серьезными темными глазами. Другой был немного меньше ростом, но обладал красивой, сильной фигурой. Его густые белокурые волосы очень шли к его загорелому лицу. Он со смехом пожал плечами.

– Все милые гейльсбергцы – порядочные филистеры¹, а достопочтенный и глубокоуважаемый нотариус Раймар, к сожалению, также уподобился им.

Раймар усмехнулся. Во всей его фигуре чувствовалось утомление, да и в самом тоне слышалась усталость, когда он возразил:

– Ты имеешь полное право шутить, Арнольд. Положение гейльсбергского нотариуса, разумеется, не из завидных. А как тебе нравится местоположение нашего городка?

– Очень красиво и очень идилично, но, мне кажется, я сошел бы с ума, если бы мне пришлось в продолжение многих лет наслаждаться этой идиллией, любоваться тихими, залитыми солнцем улицами и ограничиваться обществом милых гейльсбергцев.

– Вначале и я так думал, – спокойно ответил Раймар, – но, в конце концов, ко всему привыкаешь.

– Вот именно в том-то и несчастье, что ты привык! Что из тебя вышло, Эрнст? Подумать только, каким ты был прежде, когда мы с тобой только познакомились, и когда ты на всех парусах выходил в море жизни... чтобы причалить здесь к берегу.

– Или, вернее, потерпеть здесь крушение, – добавил Эрнст. – Но ведь не всякому суждено сделать такую карьеру, какую сделал майор Гартмут, читающий мне здесь нравоучения.

– Но, черт возьми, у тебя было все, что нужно для карьеры, – перебил его майор. – Я присутствовал на твоём первом испытании, когда ты, совсем еще юный, защищал свою диссертацию, и понял, что уже тогда в тебе сказывался прирожденный оратор. И каким успехом увенчалось тогда твое первое официальное выступление!

– Оно оказалось и последним, – с грустью заключил Раймар. – Вскоре разразилась катастрофа. Ты ведь знаешь, что помешало моей карьере.

– Да, знаю, – банкротство твоего отца. Это была пренеприятная история, однако тебе не следовало так скоро складывать оружие. Ты должен был остаться на своем посту. Это было бы нелегко, но на карту было поставлено будущее.

– Мое будущее все равно навсегда было разбито. Можно бороться с изменившимися материальными обстоятельствами, но не с позором.

– При чем тут позор? Все отлично знали, что ты решительно ни в чем не виноват. Ты не имел никакого отношения к делам отца.

¹ Филистер – самодовольный и ограниченный человек с узким, обывательским, мещанским кругозором и ханжеским поведением.

– Но я носил его имя, а это имя с тех пор было опозорено. Неужели ты думаешь, что у меня хватило бы смелости защищать честь и права других, в то время когда каждый имел право заявить мне прямо в лицо, что моя собственная честь запятнана, что мой отец – вор? Этому раз и навсегда надо было положить конец.

– Да, главная беда заключалась в том, что была обнаружена недостача доверенных ему денег, – вполголоса проговорил майор. – Банкротство – не позор, а вот злоупотребление доверием... Но ведь ты никогда не верил в виновность своего отца.

– Нет! – последовал мрачный, но твердый ответ. – У него была крупная растрата, а в таких случаях человек быстро теряется, – продолжал Гартмут. – Он твердо верил, что успеет вернуть взятое, но катастрофа разразилась так внезапно.

– Да нет же! – перебил Эрнст. – Уходя из этого мира, он оставил мне несколько строк, а в такой путь не уходят с ложью на устах. Человек, обремененный долгами, не обращается к сыну с последней, отчаянной просьбой: «Спаси мою честь и память, если можешь!». А я не мог! – Раймар глубоко вздохнул и встал с места. – Оставим этот разговор. Но теперь ты видишь, Арнольд, что мне подрезало крылья. Я никому не смел тогда смотреть в глаза, да и теперь не смею, и мне во что бы то ни стало, надо было уехать из Берлина.

– Но почему же именно в Гейльсберг? На твоём месте я уехал бы куда глаза глядят – в африканские степи, в австралийские девственные леса или в другую, нуждающуюся в культуре страну, но только не в гейльсбергскую канцелярию!

– А моя мать? – серьезно возразил Раймар, – а Макс, который был тогда почти ребенком? Разве я мог заставить их терпеть нужду и вести непривычный им образ жизни, что непременно случилось бы, если бы я не остался с ними? Для меня не оставалось выбора, и я должен был еще радоваться, что устроился здесь.

– Но твои милые родные даже не были благодарны тебе за это. Ведь твоя мамаша постоянно мучила тебя, оплакивая свою роскошную прежнюю жизнь. Она всегда предпочитала тебе своего любимчика Макса. Из него, во что бы то ни стало, надо было сделать великого художника, и ты должен был выделять на это средства. Она находила совершенно в порядке вещей, чтобы ты надрывался над работой ради нее, и ее возлюбленного Макса. Ну, да Бог с ней! Теперь ее уже нет на свете, а твой брат, благодаря Богу, окончил, наконец, курс. Надеюсь, что теперь ты навсегда развяжешься со всей этой глупой историей.

– С какой это историей? – с удивлением спросил Эрнст.

– Ну, с твоей достойной высшей похвалы канцелярщиной, со всеми ее писарями и актами. Или ты всю жизнь просидишь здесь, удостоверая, что Гинце или Кунце продал десятину земли и тому подобные сногшибательные факты? Теперь ты свободен; сбрось же с себя всю эту гейльсбергскую мертвечину и вперед, к новой жизни!

Раймар устало, безнадежно улыбнулся и спросил:

– Теперь? В мои-то годы? Слишком поздно!

– Глупости! – резко перебил его майор. – В твои годы! Разве ты уже старик в тридцать семь лет? Да посмотри на меня! Я на целых три года старше тебя, а кто посмеет назвать меня стариком?

Он встал и вытянулся перед своим другом. В его статной фигуре, действительно, не было и намека на старость, а в густых белокурых волосах не видно было ни одной серебряной нити. Раймар посмотрел на него долгим, мрачным взглядом.

– Да, ты – совсем другое дело. Ты и душой, и телом всегда отдавался своему призванию, жил полной жизнью. А я целых десять лет должен был тратить все свои силы на удовлетворение будничных потребностей; в таких случаях для жизни уже ничего не остается.

– Эрнст, пожалуйста, не смотри на меня с таким самоотречением! – возмутился Гартмут. – Уж лучше злись на судьбу, сыгравшую с тобой такую скверную шутку! Я просто не могу выносить такую грустную мину и готов применить против нее силу.

К счастью, это обещание осталось не выполненным, так как в эту самую минуту из дома вышел молодой человек и, подойдя к собеседникам, с довольно сонным видом пожелал им доброго утра.

– Здравствуй, Макс, – обернулся к нему Раймар. – Наконец-то ты явился!

– Да, уже одиннадцать часов, – подтвердил майор. – Неужели молодой человек до сих пор валялся на перинах?

Макс пододвинул себе стул. Он был значительно моложе своего брата и поразительно хорош собой, что он, по-видимому, прекрасно и осознавал. Во внешности Макса, как и в его изысканном костюме, проглядывало что-то величавое, с оттенком театральности, но это шло ему. Во всяком случае, молодой человек был тем, что в гостиных принято называть «интересным мужчиной».

– Я так устал от вчерашнего путешествия! – произнес он. – Пришлось так долго ехать из Берлина по железной дороге, потом еще три часа в экипаже. Это до смерти утомительно, и мои нервы не выдержали.

– Ты привез с собой и свои нервы, Максль? – спросил Гартмут. – По-видимому, ты стал вполне современным человеком. Дай-ка посмотреть на тебя! Ты, действительно, малость поосунулся.

– Господин майор! – негодующим тоном остановил его молодой человек.

– Ты сердишься? Может быть, господина художника и восходящего Рафаэля уже нельзя называть по имени?

– Пожалуйста! – Макс слегка поклонился, – старому другу моего брата я охотно позволяю подобную фамильярность.

– Ты позволяешь? Сердечно рад этому и немедленно воспользуюсь столь милостивым разрешением. Но ты свалился к нам как снег на голову; чему же мы обязаны честью видеть тебя? Что-нибудь случилось?

– О, нет, решительно ничего особенного! Я только чувствую потребность в отдыхе. Ты, конечно, не поймешь этого, Эрнст. Благодарю Бога, что ты можешь спокойно сидеть в своем тихом Гейльсберге, не зная столичной суеты. Эта ежедневная мучительная борьба за существование, эта вечная травля!

– Неужели и тебе от нее достается? – насмешливо спросил майор. – А я-то думал, что это – удел твоего брата!

– Я скоро перестану обременять собой Эрнста, – с оскорбленным видом произнес молодой человек. – Я надеюсь, что очень скоро сам стану на ноги.

– Давно бы пора, Макс! – серьезно, но без малейшего упрека в тоне заметил старший брат. – Шесть лет я оплачивал все твои расходы в Берлине, что мне порой было очень нелегко, – ты ведь тратил очень много. Но я хотел дать тебе возможность совершенствоваться на свободе. Теперь дорога перед тобой открыта. Покажи, на что ты способен.

– Если бы только не было такой массы специалистов по этой части! – самым прозаичным тоном возразил Макс. – Теперь все стремятся к искусству, и для отдельных талантов совсем не остается места. Притом эта вечная зависть при малейшем успехе, а главное – критика с вечными придирками. Вообще, жалкое существование!

– Так вот как ты восторгаешься своим искусством! – сказал Эрнст, сдвинув брови.

– Восторгаешься! – Макс принял трагичный вид. – О, как скоро разучиваешься восторгаться! Искусство, слава – это, в сущности, химера. Осознавать это страшно, но, несомненно, это так. У меня вообще нет больше идеалов – их поглотила жизнь. Мне иногда кажется, что я – потухший кратер.

– Очень красиво сказано! – иронически произнес майор. – «Потухший кратер»... Красивое выражение, но, спрашивается, было ли там чему выгорать? А ты, Эрнст, что скажешь о своем брате с душой вулкана?

– Мы с Максом уже давно перестали понимать друг друга, – холодно ответил Раймар. – Мне только хотелось бы знать, как он думает добиться самостоятельности с подобными взглядами.

– Это выяснится с течением времени. Я еще сам не вполне уяснил свои планы, но надеюсь скоро добиться этого. Ты ничего не имеешь против того, чтобы я провел здесь несколько недель?

– Родной дом всегда для тебя открыт, ты это прекрасно знаешь; но что ты будешь так долго делать в Гейльсберге? До сих пор ты каждый свой приезд сюда считал жертвой и по возможности сокращал его.

– На этот раз я ищу отдохновения, – пояснил молодой художник. – Кроме того, я надеюсь встретить здесь знакомых. Ты ведь бываешь в Гернсбахе у госпожи Мейендорф?

– Изредка и почти исключительно по делам, – последовал холодный ответ. – Я – ее поверенный.

– Это безразлично, мы должны на днях съездить туда. Я познакомился с этой дамой в Берлине, в доме ее родственников, которых она теперь ждет к себе в гости. Это Марлов с дочерью.

Эта новость, по-видимому, несколько не заинтересовала нотариуса, а Гартмут задумчиво повторил:

– Марлов! Это глава банкирского дома в Берлине?

– Да, и при этом миллионер. Это старая, очень солидная фирма, пользующаяся большой известностью в финансовых кругах. Я часто бывал в доме Марловых. Несколько лет тому назад скончался их сын, и теперь осталась одна единственная дочь, очень красивая девушка, за которой все сильно ухаживают как за единственной наследницей. Это – блестящая партия!

Раймар окинул брата удивленным, испытующим взглядом.

– Ты, по-видимому, собрал очень точные сведения, – начал он, но майор перебил его громким смехом и словами:

– Да помилуй, Эрнст! Неужели ты не понимаешь, что задумал гениальный Макс? Он хочет жениться на наследнице и продолжать борьбу за существование уже миллионером. Поэтому-то он и свалился сюда как снег на голову. И это-то он называет «становиться на ноги»!

– Я не понимаю, что вы находите во всем этом удивительного! – с оскорбленным видом заговорил Макс. – Я часто бывал в доме Марлова и вскоре по настоятельной просьбе его дочери начну писать ее портрет. Мне кажется, она ко мне равнодушна, но в Берлине у них бывает столько титулованного и знатного народа, что трудно выделиться. Здесь же, в Гернсбахе, это гораздо легче; здесь можно очутиться на первом плане.

– Как ты ни красив, Макс, но ты вовсе не в моем вкусе, – сухо заметил майор. – Впрочем, о вкусах не спорят, и даже миллионерша может оказаться очень нетребовательной в некоторых отношениях.

Макс счел ниже своего достоинства отвечать на этот выпад и обратился к молчавшему до сих пор брату.

– Разумеется, мне нет ни малейшей надобности, скрывать от тебя свои желания и надежды, но это, конечно, останется между нами. Еще ничего не решено, но я думаю, что имею основание надеяться. Тогда мне больше не придется утруждать тебя – ты и так достаточно многим пожертвовал для меня.

– Я приносил тебе жертвы как будущему художнику, – остановил его Раймар, – но, судя по твоим словам, ты отвернешься от искусства, едва только женишься на миллионерше.

Молодой человек на мгновение смутился от этих резких слов, но тотчас же небрежно пожал плечами.

– Ты, кажется, упрекаешь меня в том, что я везде умею быть счастливым. Не обижайся на меня, Эрнст, но ты уже десять лет сидишь в Гейльсберге, а что могут знать в этом захолустье о

свете и его требованиях? Ты знаешь свет по прошлым воспоминаниям, когда он еще сохранял романтический оттенок, а мы, дети настоящего, не тешимся больше иллюзиями. Мы видим жизнь такой, какова она есть на самом деле, и считаемся с этим; поэтому будущее принадлежит нам, а ты со своим будущим уже покончил.

С этими словами он встал, подошел к клумбе и, сорвав цветок, воткнул его в петлицу.

– Послушай, Эрнст, – вполголоса проговорил майор, не в силах скрыть свое раздражение, – если ты позволишь этому глупому мальчишке читать тебе нравоучения и обращаться с тобой как с прадедушкой, то я сам скажу ему всю правду.

Раймар сделал отрицательный жест и также встал.

– Макс!

Молодой человек с удивлением оглянулся. Лицо брата было спокойным, но в его голосе слышались глубокая горечь и презрение.

– Желаю тебе осуществления всех твоих планов, но прошу оставить меня в покое и избавиться от твоих мудрых поучений. Ты в первый раз позволил себе со мной такой тон, но я желаю, чтобы это был и последний; у себя в доме я его не потерплю. Ты, очевидно, совершенно позабыл, что именно удерживало меня в Гейльсберге. Я хотел избавить тебя и мать от нужды, старался открыть перед тобой широкую дорогу, навсегда закрытую для меня; теперь же, когда ты уже стоишь на этой дороге, ты начинаешь охотиться за богатой женой, к которой, по-видимому, не питаешь никаких чувств. Ты готов выбросить за борт и талант, и искусство, и все свое будущее, чтобы на деньги этой женщины купить то, что ты называешь наслаждением жизнью, – жизнь без труда, без цели и смысла, ленивое прозябание среди богатства, заработанного другими. Скажу тебе прямо, что все твои мудрые расчеты я нахожу жалкими и достойными презрения, да и тебя таким же!

– Аминь! И да будет тебе стыдно, Максль! – заключил майор, следуя за своим другом, направившимся в дом.

Макс с удивлением смотрел им вслед, абсолютно не понимая, чего ему надо стыдиться. Однако мало-помалу он начал осознавать, что с ним, не признающим никаких авторитетов, поступили как со школьником, да вдобавок еще выбрали. Хотя он и был возмущен до глубины души, но и не думал об отъезде из Гейльсберга. Ему надо было, во что бы то ни стало остаться здесь, чтобы сблизиться с молодой миллионершей; следовательно, необходимость требовала подчиниться брату. Да, давно пора было освободиться от этой зависимости!

Между тем майор Гартмут, войдя в дом, дал полную волю своему гневу:

– Недурненький субъект вышел из Максля! Вот тебе и награда за все твои жертвы! Этот молодец до тонкости изучил современную манеру общения и трещит, как сорока, конечно, не понимая ни бельмеса. Кажется, сегодня ты впервые увидел его во всем великолепии.

Эрнст пожал плечами. Лицо его все еще сохраняло горькое и презрительное выражение.

– Макс лишь изредка и ненадолго приезжал сюда, – сказал он, – и всегда бывал настолько умен, что до известной степени церемонился со мной, пока нуждался во мне; теперь же он, по-видимому, находит это совершенно лишним.

– Да, миллион, которого он еще не получил, совсем затуманил ему голову, – насмешливо произнес Гартмут. – Жаль, что этот болван так поразительно красив! Но миллионерши обычно не отличаются духовным богатством, и его глупость при совершении сделки, пожалуй, не будет принята в расчет. Во всяком случае, ты был еще слишком мягок; я бы совершенно иначе говорил с ним. Если он еще раз посмеет при мне упомянуть об «уже законченной карьере», то да хранит его Господь!

Раймар собирался что-то возразить, но в эту минуту открылась входная дверь, и в комнату влетел пожилой господин, второпях едва успевший поздороваться.

– Что же это значит, Эрнст? – с упреком воскликнул он. – Добрая половина города уже знает, что Макс здесь, а я только что узнал об этом от бургомистра; он слышал это от докторши,

а той сказал аптекарь, видевший, как Макс проезжал по улице. Почему ты сразу же не послал его ко мне?

– Макс совсем неожиданно приехал вчера поздно вечером, – ответил Эрнст, – и, наверное, побывал бы сегодня у тебя, дядя Трейман.

Нотариус Трейман был маленьким подвижным старичком лет за шестьдесят, но еще живым и крепким, с седыми волосами и острыми серыми глазами.

– Мое почтение, господин майор! – обратился он к Гартмуту, с которым уже познакомился. – Ну, как вам нравится наш Гейльсберг? Интересен, не правда ли? Но вы еще не осмотрели важнейших достопримечательностей. Вы должны побывать в ратуше, где у нас целая коллекция исторических документов, оружия, орудий пыток, относящихся к процессам о ведьмах. Мы восстановили целую камеру пыток, и вы непременно должны ее посмотреть.

– Благодарю, меня не тянет в камеру пыток, – сухо ответил майор. – Вот если бы вы нашли старинный монастырский подвал, конечно, не пустой – это было бы интересно.

– К сожалению, у нас такого нет. Но вы найдете недурное вино в «Золотом льве»; там мы собираемся по вечерам на заседания исторического кружка. Приведи к нам своего друга, Эрнст!

– Извини меня, дядя, – отозвался Эрнст, – Арнольд приехал только третьего дня, и нам хотелось бы...

– Как, ты опять не придешь на заседание? Но ты уже два раза не был и потому сегодня мы непременно ждали тебя. Впрочем, ты не интересуешься ни историей, ни Гейльсбергом; Макс всегда больше тебя любил свою родину. Представьте себе, – с торжествующим видом обратился старик к майору, – он выставил в Берлине свои гейльсбергские этюды, и об этом писали газеты. Да, наш Макс большой талант и сделает честь своему имени. Но где же он?

– Ваш семейный гений сидит пока в саду, – ответил майор.

– Тогда я сейчас же пойду к нему. Итак, в семь часов в «Золотом льве»! Сперва доклады, а потом непринужденная беседа. Мы устроим Максиму оvation за его гейльсбергские этюды; я уже обо всем условился с бургомистром.

С этими словами Трейман торопливо направился в сад. Гартмут с досадой посмотрел ему вслед.

– По-видимому, почтеннейший дядюшка продолжает дело, начатое твоей матушкой, – заметил он. – Та ведь вся предавалась обожанию своего гениального сына.

– Да, Макс пользуется расположением дядюшки, – ответил Эрнст.

– Что случилось?

Последние слова относились к появившемуся из канцелярии писарю. Тот монотонным голосом стал докладывать:

– Господин нотариус, пришли Антон Лехнер и Иоганн Обермайер и хотят заключить договор относительно участка земли. А в двенадцать часов придет аптекарь относительно наследства...

– Хорошо, я знаю, – устало проговорил Эрнст. – До свиданья, Арнольд!

– И он выдерживает такую жизнь изо дня в день! – сердито проворчал майор, поднимаясь по лестнице. – Земляные участки, наследство аптекаря... Удивительно, как Эрнст не помешался!

2

Гейльсберг был настолько старым городком, что мог даже похвалиться некоторым историческим прошлым. В средние века он играл значительную роль в междоусобицах аристократических родов. Уцелевшие городские укрепления, ратуша и несколько частных домов относились к давно прошедшим временам, а на ближайшем холме виднелись развалины древнего графского замка. Все это было забыто неблагодарными современниками, так как Гейльсберг лежал в стороне от всех путей сообщения. Красивая местность не привлекала приезжих, и городок наслаждался идиллическим покоем и уединением, очень редкими в наши дни. Однако с этим уединением гейльсбергцы никак не могли примириться; оно казалось им тем более обидным, что Нейштадт, где была железнодорожная станция, давно опередил Гейльсберг. Там в непосредственной близости находились Штейнфельдские шахты, которые приносили городу огромные выгоды.

Это крупное коммерческое предприятие за несколько лет достигло таких размеров и такого значения, каких другому не добиться и за десятки лет. К услугам владельца предприятия были и средства, и влияние, обеспечивавшие результаты его трудов. Феликс Рональд играл видную роль в финансовых кругах и считался одним из крайне смелых, но и гениальных спекулянтов. Десять лет тому назад он занимал незначительное место в банкирской конторе, потом, благодаря удачной игре на бирже, приобрел небольшое состояние, а затем организовал предприятие, очень быстро достигшие огромных размеров. Его успехи оправдали пословицу: не рискуя – не выиграешь. По-видимому, Рональд обладал секретом притягивать к себе счастье и успех. Они никогда не изменяли ему, хотя он иногда отчаянно рисковал. Теперь с его влиянием считались не только биржа и пресса, но даже и правительство. Он умел все использовать для своих целей и с изумительной энергией лично руководил своими предприятиями.

На Штейнфельдском заводе дело велось на широкую ногу. Нейштадт вскоре стал предместьем Штейнфельдской колонии, но некоторые служащие и рабочие, которых было огромное множество, жили в городе, другие – постоянно в нем бывали. Находясь на железнодорожной линии, Нейштадт играл важную роль в провинции. Об этом все говорили, и все это знали, а про Гейльсберг знали только, что он существует, и то лишь его ближайшие соседи, а между тем это ведь был исторический город!

Вокруг него можно было встретить в основном крестьянские фермы. Единственным настоящим господским поместьем был Гернсбах, находившийся на расстоянии часа езды от города. Это имение принадлежало вдове фон Мейендорф, жившей там со своей маленькой дочерью в огромном, несколько старомодном, уютном доме, к которому прилегал большой тенистый парк, вся же земля была отдана в аренду.

В одно солнечное майское утро на террасе помещичьего дома за завтраком сидели две дамы, а девочка лет семи играла тут же в мячик, прыгая по каменным ступеням лестницы.

– А я уже боялась, что ты не приедешь сюда, – сказала старшая из дам. – Ведь, в сущности, что я могу предложить тебе, избалованной принцессе, в тиши и уединении деревенской жизни?

– Ты не можешь представить себе, Вильма, как благотворно действует на меня эта тишина! – возразила младшая. – Если бы ты знала, чего мы только не проделали в этот сезон! Это просто выше человеческих сил!

– Да, я не выдержала бы этой вечной сутолоки, – заявила Вильма. – Ты-то, конечно, уже привыкла к этому, Эдита. После смерти матери ты взяла на себя обязанности хозяйки и с шестнадцати лет отлично справлялась с такой тяжелой задачей.

– Этому можно научиться, но все-таки это очень утомительно. Лица все новые, а люди одни и те же, одни и те же разговоры, одни и те же комплименты! Редко встретишь человека,

с которым стоит поговорить, да и то интерес быстро пропадает, потому что и он оказывается похожим на остальных.

Этот суровый приговор был произнесен устами красивой двадцатилетней девушки с правильными, немного холодными чертами лица и умными карими глазами. Выдающейся чертой ее внешности было холодное, немного надменное спокойствие с оттенком снисходительности ко всему, что она считала недостойным ее. На ней был светлый пеньюар, темные волосы были причесаны просто, но даже и в этой непринужденной обстановке Эдита Марлов сохраняла вид настоящей светской дамы.

Вильме фон Мейендорф было уже около тридцати лет, но выглядела она очень молодо. Ее фигурка с белокурыми волосами не отличалась красотой, но в мягких чертах и ясных глазах была какая-то особенная прелесть.

– Ты здесь очень удобно устроилась, – сказала Эдита. – Гернсбах – хорошенькое летнее местечко; но как ты можешь выдержать здесь целый год?

– Я ведь каждый год бываю в Берлине, – возразила Вильма.

– Всего на полтора-два месяца, а потом сидишь здесь в снегу и одиночестве. Для чего это? Твои средства позволяют тебе проводить каждую зиму в Берлине. Папа думает, что тебе следовало бы снова выйти замуж. Ты ведь уже пять лет как вдова, и за тобой многие ухаживали, только ты никогда не допускаешь никаких признаний и предложений.

– Потому что я всегда сомневаюсь в том, делают ли предложение мне лично или же Гернсбаху.

– Вероятно, обоим! В наше время нельзя поступать иначе. Да и твои родители также руководствовались расчетом, выбрав тебе в супруги Мейендорфа. Сам он не был расчетливым, так как состояние принадлежало ему, но разве ты была особенно счастлива с ним, женившимся на тебе ради тебя самой?

Вильма ничего не ответила. Действительно, ее короткий брак был не из счастливых. Грубый помещик оказался деспотичным супругом. Он проводил время за вином и картами и, когда прошел влюбленный пыл, совершенно не заботился о жене и ребенке. Молодая женщина переносила все молча, без жалоб, но это не осталось тайной для ее родных, и воспоминание о супружеской жизни всегда заставляло ее страдать.

Эдита заметила это и переменяла разговор:

– Прости, я не хотела огорчать тебя, но ведь тебе всего двадцать восемь лет, и ты имеешь право на жизнь и счастье.

– Разве я могу дать моей Лизбете отчима, который не будет любить ее и которому она, может быть, встанет поперек дороги со своими правами на Гернсбах? – взволнованно проговорила Вильма. – Да ни за что на свете! Но я знаю, что твой отец желает мне добра. Значит, он приедет послезавтра?

– Да, а пока он поехал с Рональдом в Штейнфельд, разумеется, по делам. Предприятие Рональда должно превратиться в акционерное общество, и папа берет на себя финансовую сторону. Рональд, может быть, тоже заедет в Гернсбах; по крайней мере, он так говорил перед отъездом. Он нанесет тебе визит.

– Мне? – улыбнулась молодая женщина. – Нет, Эдита, я не настолько тщеславна, чтобы поверить, что человек, занимающий такое видное положение и не имеющий свободной минуты, захочет навестить меня в моем скромном уголке. Зато ты здесь, и это меняет дело.

– Папа уже намекнул тебе? – спросила Эдита.

– Нет, но я сама видела, как Рональд относится к тебе, да и дядя, по-видимому, влюблен в него.

– Он ценит его энергию и трудоспособность и считает его гениальным человеком с блестящим будущим. До сих пор Рональд был только смелым и счастливым спекулянтом, но, может быть, его можно побудить добиться больших успехов.

– И этим рычагом будешь ты? – поддразнила ее Вильма. – Я думаю, дядя очень желает этого брака.

– Но тут главное дело *в моем* желании. В этом отношении я не позволю ничего себе предписывать, и отец знает это. Впрочем, Рональд еще не объяснялся, по крайней мере, со мной.

– А он действительно такой «Крез»? – спросила Вильма. – Говорят, у него невеста сколько миллионов?

– Неужели ты думаешь, что это может повлиять на мое решение? Я вовсе не хочу быть женой только богатого человека. Тот, имя которого я буду носить, должен быть выше толпы и меня вознести на ту же высоту. Рональд стал величиной, перед которой преклоняются; пожалуй, стоит разделить его судьбу.

– А любишь ли ты его? – наивно спросила Вильма.

– Мы до сих пор не были знакомы, – спокойно ответила Эдита. – У такого человека, как Рональд, нет времени для ухаживания, но вместе с общностью интересов появится и привязанность; это часто бывает в супружестве.

– Нет, этого может и не случиться, – тихо проговорила Вильма. – Люди могут остаться чужими друг другу, и эта отчужденность может все возрастать. Если бы у меня не было моей девочки... Лизбета, поди ко мне!

На ее зов прибежала веселая розовая малютка с такими же светлыми глазами, как у матери, и бросилась в ее объятия.

– Видишь, Эдита, у меня не было недостатка в любви: моя ненаглядная шалунья заменила мне решительно все!

Девочка отвечала матери бурными ласками.

– Ты портишь ребенка чрезмерной нежностью, – сказала Эдита с упреком. – Я только здесь познакомилась с этой резвушкой; в Берлине она всегда казалась робкой и застенчивой. Это происходит от воспитания в уединении. Лизбета никого не видит, кроме тебя. Что будет с ней, когда она вступит в жизнь? Ну, а теперь я переоденусь и пойду погулять в лес. До свиданья!

Она встала, холодно-приветливо поцеловала ребенка и вышла из комнаты. Маленькая Лизбета с благоговением прослушала прочтенную ее матери нотацию. Красивой важной тети она серьезно побаивалась и самым почтительным тоном спросила:

– Мама, тетя Эдита очень умная?

Вильма рассмеялась свежим, почти детским смехом и, обняв белокурую головку, крепко поцеловала ее.

– Да, Лизбета, – ответила она, – тетя гораздо умнее нас с тобой, но от этого ума становится холодно. Тебе незачем быть такой холодно-умной, да и мама у тебя не такая.

3

Окрестности Гейльсберга не могли похвалиться живописностью, но зато лес в этой местности поражал своей редкой красотой. Этот великолепный старый сосновый бор тянулся на много верст, и в его тихой глуши легко можно было заблудиться.

Был ясный майский день; под большими елями царили прохлада и тишина, а на густом мшистом ковре еще блестела утренняя роса, когда Эдита Марлов шла по узкой тропинке. Для нее было совсем новым ощущением идти одной по пустынному лесу. Лето она обычно проводила на море или на курортах, где ее всегда окружала целая толпа, и теперь эта лесная тишь приятно удивила ее прелестью новизны и влекла все дальше и дальше.

Тропинка вдруг окончилась у низкой, полуразрушенной каменной ограды, за которой опять расстилалась зеленая глушь. Молодая девушка остановилась в изумлении; за оградой не было видно ни дома, ни какой-либо постройки; небольшой участок земли был со всех сторон обнесен оградой с железными воротами, едва державшимися на проржавленных петлях. Слегка толкнув калитку, Эдита проникла внутрь ограды и очутилась на маленьком заброшенном кладбище. Густая трава покрывала низкие могильные холмики, а над ними возвышались могучие темные ели, и разросся целый лес сирени и бузины. Простые деревянные кресты давно упали и сгнили, железные покрылись ржавчиной, и лишь каменные плиты смеялись над временем и брэнностью всего земного. Дальше под елями виднелась обвалившаяся каменная стена, прежде принадлежавшая, очевидно, часовне.

Подойдя к ней, Эдита вдруг поняла, что на кладбище она не одна. У стены стоял высокий мужчина, внимательно разглядывавший какую-то надпись и теперь обернувшийся на звук шагов. Он казался сильно удивленным, но, увидев девушку, слегка приподнял шляпу и отошел в сторону, чтобы дать ей дорогу. Поблагодарив его легким поклоном, Эдита хотела пройти мимо, но ее платье зацепилось за колючий куст ежевики, а сделанное нею при этом нетерпеливое движение еще больше запутало юбку. Незнакомец вежливо предложил свои услуги, но прошло несколько минут, прежде чем ему удалось справиться с ежевикой.

– Благодарю вас, – сказала девушка своим обычным холодным и снисходительным тоном, но все-таки сочла необходимым прибавить несколько слов. – Какое странное место это уединенное кладбище в самой глубине леса!

– Да, но красивое место! Сюда не долетает ни один звук повседневной жизни, ничто не нарушает святого покоя усопших.

Эдита с удивлением взглянула на говорившего. Ее поразили и сами слова, и грустный голос незнакомца, и она внимательно пригляделась к нему. Он был средних лет, благородной внешности, высокий и стройный, с серьезными темными глазами и грустным взглядом. Его поклон и манера, с какой он оказал ей маленькую услугу, свидетельствовали о его принадлежности к высшему обществу. В душе девушки невольно шевельнулось легкое любопытство.

– Я совсем нечаянно забрела сюда, гуляя, – сказала она, – вероятно, и вы также?

– Нет, я направляюсь в Штейнфельд, но хотел избежать езды по пыльному шоссе, и послал экипаж вперед. Эта лесная тропинка так красива, что соблазнила меня, – просто ответил он.

Присутствие незнакомца объясняло близость Штейнфельда. Тамошние заводы повсюду имели связи и поддерживали постоянные отношения с Берлином.

Однако если Эдита и была в недоумении относительно личности своего собеседника, то Эрнст Раймар давно понял, с кем свел его случай. Хотя на молодой девушке и были совсем простое летнее платье и скромная соломенная шляпа, тем не менее, вся ее внешность ясно указывала, к какому обществу она принадлежала. В окрестностях Гейльсберга не встречались подобные личности; это могла быть только гостя Мейендорф.

При других обстоятельствах молчаливый и сдержанный Эрнст, наверное, прекратил бы разговор и удалился бы; на этот раз он остался. Ему хотелось поближе познакомиться с девушкой, представляющей цель смелых планов его брата. Бесспорно, она была красива, но действительно ли он имел основание надеяться? Надо было непременно выяснить этот вопрос.

– Это очень старое кладбище, – начал он. – Но кое-где на надгробных камнях можно еще различить даты. Это остаток исторического прошлого, которым гордится Гейльсберг.

– Гейльсберг? Но ведь вы родом не из этого провинциального городка?

В вопросе слышались недоверие и удивление.

– Нет, я – уроженец Берлина.

– Ну, конечно! – Полученный ответ, по-видимому, удовлетворил молодую девушку, и она продолжала слегка насмешливым тоном:

– Гейльсберг – давно забытая достопримечательность, но теперь в Берлине, по крайней мере, хоть знают о его существовании. Несколько месяцев тому назад на одной выставке появились прелестные акварели: ратуша в Гейльсберге, древние городские ворота и несколько других сюжетов.

– Работы Макса Раймара?

– Да! А вы его знаете?

– Он в настоящее время в Гейльсберге, а я еду оттуда. Кажется, на будущее этого молодого человека возлагают большие надежды – в нем признают талант.

– У него несомненный талант, и надо надеяться, что с его помощью Раймар завоюет себе будущее. Но когда молодому художнику в течение многих лет самому приходится пробивать себе дорогу, трудиться, не покладая рук, чтобы заплатить за свою учебу, бороться с неприязненным отношением семьи, с несправедливостью и угнетением, – то это, разумеется, сильно тормозит развитие его таланта.

– Угнетение? Неприязненное отношение? – переспросил Раймар. – Но ведь этому молодому человеку были предоставлены средства для поддержания и поощрения его таланта. По крайней мере, я так слышал.

– До вас дошли ложные слухи, – уверенно возразила Эдита. – Я лично слышала от самого Раймара, чего ему стоило вырваться из семьи, не имевшей ни малейшего понятия об искусстве и призвании художника, и желавшей во что бы то ни стало удержать его в своем мещанском кругу. Твердость его характера доказывается уже тем, что он имел мужество разорвать эти оковы и вступить в борьбу со всеми неприятностями жизни, чтобы, встав на ноги, всецело отдаться своему призванию.

На губах Эрнста промелькнула горькая усмешка – он, наконец, понял, каким способом его брат «заинтересовывал» берлинское общество. Борющийся с жизнью гений, разбивающий недостойные оковы, чтобы собственным трудом завоевать себе будущее, возбуждает общий интерес и даже восхищение. Очевидно, Макс понял даму своего сердца, и его маневр удался как нельзя лучше; это доказывала ее горячая защита.

– Этого я, действительно, не знал, – медленно проговорил Раймар. – Я слышал только, что у молодого художника есть брат, отчасти и воспитавший его. Вероятно, этот-то брат и был «преградой» на его пути?

– Вероятно! Это старый, сухой холостяк, совершенно не понимающий жизни, живущий в Гейльсберге и собирающийся там же умереть; если не ошибаюсь, он работает там нотариусом. От него нельзя и ожидать, чтобы он понял высокие побуждения. Действительно, в таком местечке можно почувствовать себя заживо погребенным!

– Заживо погребенным? Совершенно верно! Там человек умирает для жизни и света!

Девушка снова окинула говорившего удивленным взглядом. Его слова подтверждали только что сказанное нею, но в них чувствовалось глухое раздражение, а в темных глазах вспыхнуло что-то, похожее на угрозу. Всякая другая девушка нашла бы это неприятным, но

Эдите это показалось заманчивым. Этот человек интересовал ее. В его манере держаться и во всем его облике было что-то, придававшее самому обычному разговору характер чего-то из ряда вон выходящего. Или, может быть, окружающая обстановка отнимала у разговора всякий будничный оттенок?

Старый лес молчал; высокие ели сплошной, стеной окружали кладбище, словно хотели скрыть эту всеми забытую Божию ниву; но на высокой траве и на могильных холмиках играли веселые лучи солнца. В воздухе носились пестрые бабочки; около цветов и кустарников жужжали дикие пчелы, и все кладбище казалось одним цветущим садом. От прежней часовенки остались лишь наружные стены; древний каменный памятник, вделанный в стену и уцелевший от разрушения, весь оброс мхом и потрескался, но на нем еще можно было различить крест и надпись. По некоторым уцелевшим буквам можно было понять, что здесь было высечено какое-то библейское изречение. На темно-сером камне было ясно видно только одно слово: «Пробуждение».

Среди царившей тишины вдруг раздалась громкая песня дрозда. В ней слышались радостное ликование, наслаждение ясным майским днем. Эдита не двигалась с места, внимая никогда не слышанным ею звукам. Песня дрозда звучала в тишине и уединении, а ни того, ни другого никогда не было в ее блестящей, шумной жизни. Настоящее казалось ей какой-то сказкой.

Наступила короткая пауза. Эдита чувствовала, что незнакомец не отрывал от нее взгляда, и поспешила прервать тяжелое молчание небрежно брошенным вопросом:

– Вы и раньше знали о существовании этого кладбища?

– Разумеется, – спокойно ответил он. – Я пытался разобрать вот ту старую надпись, но это оказалось невозможным. Я смог прочесть только одно слово.

Эдита невольно посмотрела в указанном направлении.

– «Пробуждение», – вполголоса прочла она. – Это многозначное слово.

– Для мертвых – разумеется! – мрачно добавил Раймар.

– Не только для мертвых! Ведь тот, кто жив, должен постоянно бодрствовать.

– Но есть много людей, стоящих вне жизни, как например те, кого судьба забросила в такое «забытое Богом» место, как Гейльсберг.

– Я говорю о людях, которые хотят оставить след и быть кем-нибудь в жизни, – перебила его Эдита, – остальные в счет не идут.

– Совершенно верно, они не идут в счет. Но воля не всегда всемогуща, и не каждый достигает намеченной цели. Вы, может быть, стоите на высоте и видите оттуда лишь победителей, а не побежденных в борьбе. Мрак поглощает их, и они гибнут.

– Пусть, кто хочет, мирится с подобной судьбой, – гордо подняв красивую голову, произнесла Эдита. – Я ведь говорю о тех, которые умеют или победить в жизненной борьбе, или пасть в ней. Но кто робко покидает поле битвы до выяснения окончательного результата, тот – трус!

Раймар слегка вздрогнул, как будто позорное слово относилось именно к нему, и взглянул на девушку с упреком.

– Вы судите слишком сурово, – вполголоса произнес он.

– Я сужу по своему собственному чувству, а оно говорит мне, как бы я поступила, если бы была мужчиной. Энергичная воля всегда сумеет проложить себе путь в жизни. Вы идете в Штейнфельд; вот там вы увидите пример того, на что способна подобная воля.

– Вы говорите о Феликсе Рональде?

– Разумеется! Теперь это имя у всех на языке, благодаря его головокружительному обогащению и таким невероятным успехам.

– Да, о таком безграничном счастье у нас действительно никто не слышал.

– Здесь дело не только в поразительном счастье, – возразила Эдита, раздраженная тоном собеседника, в котором сквозило презрение. – Рональд был беден, не имел никаких связей и

своим успехом обязан исключительно своей неустанной энергии. Разумеется, для этого надо быть не только энергичным, но и гениально одаренным человеком.

– Или же... – начал Раймар, но вдруг круто оборвал свою речь и плотно сжал губы, словно испугавшись, что и без того сказал слишком много.

– Что «или»? Почему вы не продолжаете?

– Извините меня, но мы уже перешли на личные интересы. Вы лучше меня знаете господина Рональда, восхищаетесь им и его успехами, и у меня нет ни права, ни желания навязывать вам свои суждения, да они и не могут интересовать вас, так как мы совершенно не знаем друг друга.

Теперь Эрнст снова говорил с той же вежливой и холодной сдержанностью, как и в начале их встречи, и это рассердило Эдиту; под его недомолвками она почувствовала что-то оскорбительное.

Слова незнакомца о человеке, искавшем ее руки, оскорбили ее, но в то же время имели какую-то особенную прелесть.

– Вы – противник Рональда? – спросила она. – Может быть, даже... враг?

Эрнст заметил презрительную усмешку на губах девушки и прочел на ее лице убеждение в том, что он не посмеет объявить себя врагом человека, которого многие считали всесильным. Это положило конец его колебаниям. Он выпрямился, и твердо и решительно произнес:

– Да!

Эдита с удивлением взглянула на человека, с каждой минутой становившегося для нее все более загадочным. Теперь он уже казался ей совсем другим; но это «да» относилось к человеку, имя которого она собиралась носить, и потому она почувствовала себя задетой.

– Очень откровенное признание! – сказала она холодно с тем высокомерием, которым всегда пользовалась, когда хотела поставить кого-либо в рамки приличия. – Но у человека, занимающего такое положение, как Рональд, всегда найдутся враги и противники, и против открытой, честной вражды нельзя и протестовать; однако большей частью вражда возникает по другим причинам: человеку не могут простить, что он вышел победителем из борьбы, в которой гибнут другие, исчезая во мраке неизвестности. Конечно, зависть...

– Эти слова должны относиться ко мне? – с негодованием спросил Раймар. – В таком случае заявляю, что они несправедливы. Вы не имеете ни малейшего права обвинять в низости и подлости незнакомца человека, побудительных причин которого вы не знаете, обвинять только за то, что он назвал себя врагом другого! У меня есть основание так говорить. И что знаете вы о борьбе за существование? Вы всегда были далеки от нее. Кто счастлив и свободен, тому легко судить других, которые не смогли бороться потому, что у них были связаны руки. Сперва научитесь понимать, что значит «судьба», выпадающая на долю человека и делающая его бессильным против врагов, а потом уж судите!

Эдита словно окаменела от этого резкого отпора. Кто же был этот незнакомец, говоривший о жизни так мрачно, словно его личная жизнь уже давно была прожита? Теперь в его уставших глазах засверкали молнии, и он заговорил языком, какого избалованная девушка никогда не слышала от своих поклонников. И странно: несмотря на испытываемое нею негодование, она не могла заглушить в душе что-то, похожее на восхищение. Однако гнев быстро взял верх над прочими чувствами.

– Я нахожу, что нам лучше прекратить этот разговор – он завел нас слишком далеко, – ледяным тоном произнесла она, уничтожающим взглядом окидывая своего собеседника, но его темные глаза спокойно выдержали этот взгляд и продолжали по-прежнему сверкать.

После минутного молчания Эдита едва заметно кивнула головой и с видом разгневанной королевы направилась к выходу.

Раймар не тронулся с места. Когда она исчезла в лесу, он глубоко вздохнул и провел рукой по лбу. Только теперь он опомнился и понял, что зашел слишком далеко.

Так вот какова была благодарность брата, для которого он принес столько жертв! Вот каким он был в глазах девушки, к богатству которой стремился Макс! «Старый, сухой холостяк, которому недоступны высшие побуждения и который желал, во что бы то ни стало, удержать молодого художника в мещанском кругу!» Еще вчера Эрнст отнесся бы к подобному известию с горькой усмешкой, теперь же он крепко стиснул зубы и глядел вслед молодой девушке, грозно нахмурившись.

– Между ней и Рональдом что-то есть! – пробормотал он. – За посторонних так горячо не заступаются. Впрочем, какое мне до этого дело? Если я осмелюсь сделать то, что должен сделать всякий человек, дорожающий незапятнанным именем, на меня накинута со всех сторон. Кто-нибудь должен заговорить первым, и так как на это нет охотников, – он выпрямился, словно сбрасывая с плеч давнишний груз, – то я покажу, что я – не трус, который «гибнет во мраке». Вопрос решен, а там – будь, что будет!

В ту минуту как Раймар собирался уходить, снова прозвучал веселый призыв дрозда, вылетевшего из развалин и понесшегося в тенистый лес. На маленьком кладбище снова воцарилась тишина, и солнечные лучи по-прежнему обливали горячим золотом старую, выветрившуюся от непогоды плиту с многозначительной надписью: «Пробуждение».

4

Нотариус Трейман в Гейльсберге был самой популярной личностью. Уже давно сложив с себя свои обязанности, он все еще продолжал играть видную роль в городе. Старик скопил себе небольшое состояние и, будучи холостяком, жил теперь в свое удовольствие на попечении старой экономки.

Добродушие Треймана и готовность услужить всем и каждому снискали ему всеобщую любовь. Но эти похвальные качества мгновенно изменяли ему, как только кому-либо приходило в голову недостаточно почтительно отозваться о Гейльсберге. Нотариус любил свой родной город и скорее готов был простить личную обиду, чем дурной отзыв о нем.

Когда в семью его сестры пришло горе, Трейман сделал все, что было в его силах. Он сразу увез сестру из Берлина в Гейльсберг вместе с ее младшим сыном Максом, а старшего племянника Эрнста оставил там закончить необходимые дела, связанные с их разорением. Это была очень трудная задача для молодого человека, и он, примирившись с мыслью о полном крахе отца, приложил все усилия к тому, чтобы спасти его честное имя. Не меньше труда представляла для него и другая задача – создание более или менее сносного существования для матери и брата.

В последнем Эрнсту пришел на помощь дядя Трейман. Он передал ему должность нотариуса в Гейльсберге, посвятив его при этом во все тонкости своих обязанностей. Старый нотариус и не подумал о том, что молодой юрист, мечтавший о блестящей карьере адвоката, смотрел на свое новое положение как на умственную смерть. Поэтому, заметив пренебрежительное отношение Эрнста к своему новому образу жизни в Гейльсберге и постоянно видя его мрачным и необщительным, Трейман считал его неблагодарным и недостойным его любви. Эрнсту ведь доставили спокойное и обеспеченное положение, чего же ему еще надо было?

Тогда Трейман перенес свою любовь на младшего племянника, балуя его при этом не меньше своей сестры. Он возлагал на него огромные надежды и считал его будущей знаменитостью.

Максу, конечно, это было весьма по душе, и в качестве «наследника» он все чаще и чаще злоупотреблял щедростью дядюшки. Ввиду этого он старался, во что бы то ни стало сохранить благорасположение старика.

Эрнст уехал на два дня в Нейштадт, и Трейман считал своим долгом показать его другу Гартмуту все достопримечательности Гейльсберга. Он таскал майора по всему городу и как председатель исторического общества повсюду давал необходимые объяснения. Поднялись они и на крепостной курган, где находились развалины замка. Трейман до мелочей знал всю родословную графского семейства и, рассказывая ее, так углубился в средние века, что не знал, как и выпутаться из них. Тогда он закончил, сделав торжественный жест рукой:

– Да, мы стоим здесь на историческом месте! Каждый камень, каждый клочок земли в Гейльсберге повествуют о великом прошлом! Вот именно это и возвышает его над другими городами провинции. У нас история...

– А в Нейштадте – железная дорога, – словно поддразнивая Треймана, перебил его майор, – и к тому же штейнфельдские заводы дают ему немалые преимущества над Гейльсбергом. Хорошенький город!

– Вы такого мнения о Нейштадте? – раздраженно заметил старик. – Ну, а восемь лет тому назад там было лишь жалкое местечко, вовсе и не заслуживающее названия города. Но тут всемогущему Рональду пришлось в голову построить там свои заводы и провести железную дорогу. Да и теперь там одни рабочие, везде угольная пыль, постоянный шум машин и вечно серые будни. Вот что представляет собой Нейштадт!

Гартмут улыбнулся. Он знал, что жители Нейштадта высмеивали «исторических гейльсбергцев», а те презирали «современный Вавилон», как они прозвали соседний город за его быстрый рост. Между тем нотариус продолжал:

– Эрнст опять уехал туда «по делам»! Хотелось бы мне знать, что это за дела! У них ведь там свои нотариусы и свои судебные власти. Скоро у этих господ нейштадтцев будут и свои законы. Но от Эрнста не добьешься ни одного слова.

– Вероятно, это частные дела, а, может быть, и служебная тайна. Он ведь сегодня вернется. А вы читали в газетах, что Рональда со дня на день ожидают на заводах?

– Разумеется, читал. Газеты сообщают об этом, словно речь идет о приезде какого-то знатного князя. Да и он сам ведет себя здесь как настоящий набоб². Неделями приходится, например, добиваться у него всемилостивейшей аудиенции и по целым часам высидивать в его приемной, чтобы затем быть попросту выгнанным вон. Меня он тоже раз выгнал!

– Да как же он мог сделать это? – изумленно спросил майор.

– Это случилось в прошлом году и произошло из-за Гейльсберга. Видите ли, в нашей земле, несомненно, находится много исторических сокровищ. Следовало бы произвести раскопки, а у нас нет денег. Тогда у меня появилась мысль обратиться к Рональду, для которого необходимая нам сумма ничего не составляет. Я попытался, было убедить его, что этим он мог бы принести много пользы обществу и науке, но он не дал мне и слова выговорить.

– Могу себе представить! – сухо заметил Гартмут.

– Он коротко заявил мне, что у него попросту нет денег для подобных глупостей. Для него любая торфяная яма стоит выше всей исторической почвы Гейльсберга, и через десять лет Нейштадт будет большим промышленным городом, а Гейльсберг останется все тем же жалким городишкой. Да, да, он посмел сказать мне это! – Старик чуть не задыхался от сильного волнения. – А ведь десять лет тому назад он был лишь простым конторщиком у Раймара. Вы знаете это?

– Да, знаю, – равнодушно ответил майор. – Ведь там я и познакомился с ним, но с тех пор не видел его ни разу. Покойный Раймар очень высоко ценил коммерческий талант Рональда, хотя, конечно, никогда не ожидал, что тот сделает такую карьеру.

– Мошенническую карьеру, – презрительно поддакнул Трейман. – Честным путем не добудешь из земли миллионов и не создашь в течение нескольких лет десятка предприятий, каждому из которых необходимо посвятить целую жизнь. Ах, чего только не шепчут о нем повсюду! Вся эта история добром не кончится. Я уже не раз предупреждал об этом Эрнста, но это его нисколько не интересует. Да, впрочем, Эрнста и вообще ничего больше не интересует.

Майор вдруг вздрогнул и перегнулся через перила, возле которых они стояли. Снизу послышался детский крик. Гартмут шагнул через перила и скрылся в кустах обрыва.

– Держись крепче! Я сейчас приду, – раздался оттуда его голос, а через несколько минут он снова появился с маленькой девочкой на руках. Донеся ее до развалин, он поставил ее на ноги и проговорил: – А ведь это могло скверно окончиться! Ты ушиблась?

Малютка была бледной от испуга, но не плакала, а только внимательно осматривала руку, на которой виднелась большая царапина. Она взглянула на майора и храбро проговорила:

– Мне вовсе не больно.

– Молодец, девочка! – похвалил майор. – Ну, покажи-ка! Да, это – простая царапина, о которой и говорить не стоит.

Он вынул носовой платок и вытер им несколько капель крови, выступивших на руке малютки. В это время к ним подошел Трейман и удивленно воскликнул:

– Да это Лизочка из Гернсбаха! Как ты туда попала?

² Набоб – титул индийской знати; богач, жизнь которого отличается восточной пышностью.

– Я хотела взобраться вот сюда, – ответила девочка, указывая рукой на крутой обрыв, – а камни упали, и я вместе с ними...

– И повисла на кусте сирени, за который, к счастью, и удержалась, – добавил Гартмут, все еще возясь с ее рукой.

Однако девочка вырвалась от него и с громким криком: «Мама, мама!» побежала навстречу даме, показавшейся на горе. Дама задыхалась и едва держалась на ногах от волнения; она порывисто прижала девочку к своей груди.

– Успокойтесь, пожалуйста, ничего не случилось, – старался утешить ее нотариус.

Следовавшая за ней дама тоже вполголоса уговаривала ее:

– Успокойся, Вильма! Мы ведь еще снизу видели, как вот этот господин подхватил Лизбету...

– Майор Гартмут, – представил майора Трейман. – К счастью, он был поблизости, когда малютка сорвалась и упала.

Молодая женщина молча протянула руку спасителю ребенка.

– Что вы, об этом не стоит и говорить! – отклонил Гартмут ее немую благодарность. – Да и сама малютка проявила столько мужества, не выпустив из рук куста, на котором повисла.

Это заявление заметно успокоило Вильму; она познакомила обоих мужчин со своей кухонной Эдитой Марлов и пояснила, что шла сюда с ней, чтобы показать крепостной курган.

При слове «Марлов» майор насторожился, а Трейман почтительно раскланялся; услышав, что она желает познакомиться с историей старого замка, он быстро вернулся к своей любимой теме средневековья и повел Эдиту осматривать развалины.

Между тем Вильма устало опустилась на каменную скамью; майор предпочел присоединиться к ее обществу и вступил в милую беседу, так что, когда Эдита со своим гидом снова вернулась к ним, они уже успели стать добрыми друзьями.

Дамы стали прощаться. Гартмут, разумеется, получил приглашение побывать в Гернсбах. Такое же приглашение в качестве старого друга дома получил и Трейман.

Кузины с девочкой направились тропинкой в лес, где оставили свой экипаж, а мужчины возвратились в город.

– Так, значит, это – молодая миллионерша? – спросил Трейман, весьма довольный этой встречей. – У Марлова тоже миллионы, но под ними уже более солидная почва, чем под Рональдом. Старинный банкирский дом Марловых основан еще его прадедом. Макс отлично знает об их состоянии. Какого вы мнения об Эдите Марлов? Не правда ли, красавица?

– Да, красивая девушка, – довольно равнодушно согласился майор. – Госпожа Мейендорф не может поспорить в отношении внешности со своей кухонной, но зато гораздо симпатичнее.

– Да, это верно, – подтвердил Трейман. – Но с Эрнстом ничего не поделаешь... Хоть бы вы как-нибудь уговорили его!

– Я? Почему? – удивленно спросил Гартмут.

Нотариус уже давно собирался излить душу другу своего племянника и решил воспользоваться удобным случаем.

– Я уже сделал все, что мог, передав Эрнсту свою нотариальную контору и практику, но не получил от него за это никакой благодарности. У него ведь в голове было совсем другое – блистать ораторским талантом в качестве защитника, стать знаменитостью, попасть в рейхстаг, добиться министерского портфеля... Увы! Не всякому это доступно...

– У Эрнста были для этого все данные, – сухо произнес майор. – Для него было несчастьем, что его оторвали от его любимого дела и... «забросили в эту нору», – хотел добавить он, но вовремя спохватился, подумав о том, что старый нотариус сделал это только по доброте своей души.

Последний решил, что Гартмут хотел намекнуть на банкротство, и поспешил выразить свое согласие:

– Да, это было, действительно, несчастьем, но ведь против этого ничего нельзя было предпринять. Единственным якорем спасения для семьи Эрнста была моя нотариальная контора. Мне отлично известно, что это занятие Эрнсту не по душе, но пусть он тогда откажется от него и разыгрывает роль важного барина. Счастье у него, можно сказать, под носом, а он не хочет воспользоваться им. Видите вот там крышу среди деревьев? Ведь это – Гернсбах, великолепное, доходное имение. Эрнст – поверенный молодой вдовы, отлично знает все ее дела и, по моему, пользуется ее благосклонностью. Другой на его месте уже давно сделал бы ей предложение, но ему, конечно, не до того. Я попробовал, было, намекнуть ему на это, но совершенно напрасно. «Я не продаю себя, дядя! Я не хочу жить на иждивении богатой жены. Это недостойно!» – ответил он мне. А когда я после этого побывал с ним в Гернсбахе, то он представлял собой статую командора и еле-еле раскрывал рот.

– И он прав! – воскликнул Гартмут.

– Как? Неужели вы станете упрекать свою жену за ее богатство?

– Упрекать? Нет, не стану! Во-первых, за богатство нельзя упрекать, а во-вторых, оно вовсе и не несчастье. Но жертвовать призванием ради богатства жены и играть в браке жалкую роль прихлебателя, на это ни Эрнст, ни я не способны... разве вот Макс...

– Ого! – воскликнул нотариус. – Макс – большой талант! Он принесет в приданое своей жене славу художника, которой добьется в недалеком будущем. Впрочем, он предпочитает бывать у Марловых, и уже сообщил мне по секрету, что юная миллионерша к нему весьма благосклонна. Черт возьми! Макс ведь хорош, как картинка, и имеет ошеломляющий успех у женщин!

– Весьма возможно, – сухо возразил Гартмут, – но миллионов ему не видать. Ведь он слишком глуп! Эдита Марлов более требовательна и не станет довольствоваться тем, что ее муж напишет несколько картин и выставит их в художественных салонах. Что же касается гениальности Макса, то этого качества в одном мизинце Эрнста больше, чем во всей красивой, но глупой голове его брата. Но вот мы уже у городских ворот. Честь имею кланяться, господин нотариус!

Гартмут свернул в сторону, оставив старика в совершенном недоумении. Последний до сих пор был очень хорошего мнения о друге своего старшего племянника, но теперь, оскорбленный его суждением о Максе, присоединился к мнению последнего, при первом же его визите заявившего, что майор просто несносен.

5

На террасе господского дома в Гернсбахе стояли банкир Марлов и его дочь. Он только что прибыл из Штейнфельда и теперь просил принять его друга, Феликса Рональда, который должен был сегодня приехать сюда, а завтра вечером уехать. Хорошо зная, что означает этот визит, Вильма Мейендорф с удовольствием согласилась на прием гостя и занялась хозяйственными хлопотами.

Воспользовавшись свободным временем перед обедом, Марлов пригласил дочь на террасу и завел с ней деловую беседу:

– Рональд хотел ехать вместе со мной, но перед самым отъездом получил несколько телеграмм, потребовавших его личных указаний и задержавших его. Однако он в любом случае приедет сегодня вечером, а для тебя, Эдита, уже не является тайной, что он собирается сказать тебе.

– Нет, папа, – спокойно ответила девушка, – я уже давно подготовлена к его предложению. Он уже объяснился с тобой?

– Только вчера, и я выразил ему свое согласие, при том условии, конечно, что и ты не будешь против этого, на что я очень надеюсь. Ты ведь знаешь, что Рональд может дать тебе?

– Да, знаю, и еще перед отъездом обдумала свое решение. Я приму его предложение.

Тон этих слов ясно показал, что молодая девушка пользовалась полной самостоятельностью, и что отец никогда не навязывал ей своей воли; своим согласием она доставила ему большое удовольствие, и это ясно было видно по его лицу, когда он ответил:

– Я несколько не сомневался в этом, так как ты всегда отличалась благоразумием. Более блестящей партии и не сыскать. Однако и ты придешь к своему будущему мужу не с пустыми руками. Если план, который мы задумали с Рональдом, осуществится, то мое состояние, а в будущем и твое – удвоится.

– Ты собираешься акционировать штейнфельдские заводы?

– Да. Осенью мы предполагаем осуществить свой замысел. Тогда, вероятно, состоится и ваша помолвка.

– Только осенью? Почему? – удивленно спросила Эдита.

– Рональд сам ответит тебе на это, – улыбнулся Марлов. – Я не хочу вмешиваться в его дела; но и ты будешь согласна с ним, как и я, когда узнаешь причины. Разумеется, мы предоставляем решить этот вопрос тебе и в тесном семейном кругу отпразднуем помолвку сегодня же.

Банкир и его дочь были неспособны к чувствительным сценам даже при подобных обстоятельствах. Марлов любил свою дочь и гордился ею, но теплота и сердечность были не в его характере, и он не воспитал этих качеств и в своей единственной дочери. Эдита была прекрасной светской девушкой, и потому их разговор закончился только холодным официальным поцелуем.

Да к тому же их внимание было привлечено стуком экипажа, проехавшего мимо ограды парка. Увидев нескольких мужчин, сидевших в нем, Марлов нахмурил брови.

– Гости? И как раз сегодня! Как жаль, что нельзя даже отказать. Во всяком случае, я не выйду к ним. Откровенно говоря, мне вовсе не хочется знакомиться с этими гейльсбергцами, – и, простившись с дочерью, он ушел к себе в комнату.

Эдита тоже находила скучным беседовать с гейльсбергскими знакомыми своей кузины и решила не выходить к ним.

Такое решение было принято ею вовсе не потому, что она волновалась в ожидании жениха или в столь торжественный момент была обуреваема девичьими грезами. Ни о грезах, ни о стремлениях и надеждах, обычно связанных с подобными обстоятельствами, у нее не было

даже понятия, и предстоявшая помолвка лишь тешила ее тщеславие. Ведь не шутка – обратить на себя внимание Рональда, перед несметным богатством которого все преклонялись!

Все ли? Нет! Эдита знала человека, который не только не преклонялся перед этим всемогущим миллионером, но открыто и смело объявил себя его врагом; этот человек осмеливался даже угрожать ему, ведь во взгляде и осанке того незнакомца – Эрнста Раймара – была ясно видна угроза, хотя он и не высказал ее вслух.

Странно! Эдита не могла отделаться от воспоминания об этой встрече, и оно было мучительным для нее. Вот и теперь оно медленно подкралось к ней и наложило на ее холодное, красивое лицо выражение задумчивости, обычно чуждое ей. Перед ее мысленным взором всплыли заброшенное в лесу кладбище и мужская фигура с мрачным, молниеносным взглядом. Это произошло всего несколько дней тому назад, но казалось далеким сном, не имевшим ничего общего с действительностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.